

<sup>16</sup> В качестве характерных примеров можно сослаться на закон Новой Зеландии 1987 года о жертвах преступлений, закон Канады 1986 года о правосудии для жертв преступлений, закон Нидерландов 1988 года о вынесении судебных постановлений о компенсации в качестве штрафных санкций в отношении правонарушителей, поправки 1987 года к закону Австрийской Республики об уголовном законодательстве.

<sup>17</sup> Извлечения из этих актов см.: Зайцев, О.А. Указ. соч. — С. 341-343, 344, 345-346.

<sup>18</sup> См.: Бутрос-Гали, Б. Организация Объединенных Наций и права человека / Б. Бутрос-Гали. — М., 1995. — С. 11.

*К.А. Савельев\**

## **ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА ПРИ ПЕРЕСМОТРЕ ПРИГОВОРА**

Одним из наиболее заметных достижений действующего уголовного-процессуального законодательства стало установление пределов рассмотрения дела при пересмотре приговоров.

К ним относятся:

— проверка законности и обоснованности приговоров и иных судебных актов только по жалобам и представлениям осужденного, оправданного, их защитников и законных представителей, государственных обвинителей или вышестоящих прокуроров, потерпевших и их представителей (ч. 4 ст. 354 УПК РФ);

— ограничение права обжалования приговора гражданскими истцами и ответчиками, а также их представителями исключительно вопросами, касающимися гражданского иска (ч. 5 ст. 354 УПК РФ);

— недопустимость обжалования судебных актов, которые определяют порядок исследования доказательств, разрешающих вопросы об удовлетворении или отказе ходатайств участников судопроизводства, а также о мерах обеспечения порядка в зале судебного заседания (ч. 5 ст. 355 УПК РФ);

---

\* © Савельев К.А., 2009

*Савельев Константин Анатольевич* — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета

— проверка законности, обоснованности и справедливости приговора в апелляционном и кассационном порядке лишь в той части, в которой оно было обжаловано (ч. 2 ст. 360 УПК РФ);

— недопустимость поворота к худшему в суде кассационной и надзорной инстанции (ч. 3, 4 ст. 360; ст. 405 УПК РФ).

Кроме того, анализ действующего уголовно-процессуального законодательства ведет к выводу об ограничении всех форм пересмотра приговоров пределами обвинения, предъявленного обвиняемому. Изменение этого обвинения допускается только в случае, если этим не ухудшается положение обвиняемого и не нарушается его право на защиту (ст. 252 УПК РФ). При этом следует отметить, что ранее действующий УПК РФ 1960 года такого ограничения не знал — установив необходимость изменения обвинения на ухудшающее положение обвиняемого, суд кассационной или надзорной инстанции был вправе вернуть уголовное дело на дополнительное расследование, где обвинение могло быть модифицировано без каких-либо ограничений.

Установление пределов рассмотрения дела при пересмотре приговоров соответствует состязательному построению отечественного судопроизводства. Господствовавшее в советском кассационном и надзорном производстве ревизионное начало, согласно которому суд не связан доводами кассационной жалобы или протеста и проверяет дело в полном объеме в отношении всех осужденных, в том числе и тех, которые жалоб не подали и в отношении которых не принесен кассационный протест (ст. 332, 380 УПК РСФСР 1960 г.), вело к возложению на суд не свойственных ему процессуальных функций. Суд в этом случае по собственной инициативе выявлял и устранял ошибки как обвинения, так и защиты без учета мнения заинтересованных лиц. Это не могло не привести к обвинительному уклону в судебной деятельности. Теперь же суд ограничен при пересмотре приговора правовой позицией, сформулированной сторонами в их жалобах и представлениях, так как действующее законодательство устанавливает проверку законности, обоснованности и справедливости приговора в апелляционном и кассационном порядке лишь в той части, в которой оно было обжаловано (ч. 2 ст. 360 УПК РФ).

На необходимость выражения в уголовно-процессуальном законе пределов рассмотрения дела указывал и Европейский суд по правам человека: «Исходя из требований Конституции Российской Федерации и Конвенции, любая предусмотренная на национальном уровне возможность отмены вступившего в законную силу приговора и пересмотра уголовного дела должна быть ограничена строгими условия-

ми и критериями, точно определяющими основания такого пересмотра, с учетом того, что речь идет о таком решении судебной власти, которое уже вступило в законную силу и которым, следовательно, окончательно решены вопросы о виновности лица и мере наказания»<sup>1</sup>.

Однако нормативная регламентация пределов пересмотра приговоров и иных судебных актов весьма противоречива; целый ряд проблем не может быть разрешен на основании закона.

Как уже упоминалось, приговоры и иные судебные акты могут быть проверены вышестоящими судами только по жалобам и представлениям осужденного, оправданного, их защитников и законных представителей, государственных обвинителей или вышестоящих прокуроров, потерпевших и их представителей (ч. 4 ст. 354 УПК РФ). В то же время приговор может затрагивать интересы не только участников производства по уголовному делу, но и иных лиц. В первую очередь, приговор имеет преюденциальное значение — обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки, если эти обстоятельства не вызывают сомнений у суда (ст. 90 УПК РФ). Это положение приобретает большое значение для всех случаев, когда имеет место выделение уголовного дела (ст. 154 УПК РФ), так как при этом одни и те же обстоятельства исследуются в различных судебных разбирательствах. Следует отметить, что обстоятельства, установленные судом по первому из рассмотренных дел, имеют преюденциальное значение для последующих дел, связанных с одними и теми же событиями. Даже в том случае, если эти обстоятельства и не предрешают виновности обвиняемого по выделенному уголовному делу, они имеют для него исключительное значение — принимаются во внимание при определении роли каждого соучастника в совершении преступления, его вины и т.д. Несмотря на это, обвиняемый по выделенному делу права обжаловать приговор, вынесенный его соучастнику, не имеет.

Еще большее значение имеет то обстоятельство, что вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор суда, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом (ч. 4 ст. 61 ГПК РФ). Из этого следует, что приговор способен устанавливать основания для изменения в гражданском судопроизводстве прав и обязанностей лиц, несущих гражданско-правовую ответственность за причиненный при совершении преступления вред

(ст. 1068, 1069, 1070, 1073, 1074, 1075, 1076, 1079 ГК РФ) даже в том случае, если они не участвовали в рассмотрении уголовного дела и не имели права обжалования приговора. Сам факт вступления в законную силу обвинительного приговора в отношении лица, за действия которого отвечают третьи лица, исключает для них возможность оспаривать по существу требования о возмещении вреда.

Любое изменение приговором суда прав и обязанностей лиц, не являвшихся участниками судебного разбирательства, существенно нарушает их интересы; поэтому запрет на кассационное и надзорное обжалование приговора этими лицами недопустим.

В связи с ограничением круга лиц, имеющих право обжаловать приговор, следует отметить, что не менее значима защита прав собственников, ущерб которым был причинен преступлением. Не исключена ситуация заявления гражданского иска или ненадлежащим лицом, или в отношении спорного имущества. В отсутствие сведений о требованиях других лиц суд может необоснованно удовлетворить гражданский иск по делу. Во всех этих случаях законный собственник, не имевший возможности своевременно заявить гражданский иск и стать участником производства по уголовному делу, лишается возможности самостоятельно обжаловать нарушающий его права приговор суда. Поэтому представляется необходимым расширить круг лиц, имеющих право обжаловать приговор, признав наличие такого права у лиц, интересы которых затрагиваются приговором суда.

Законодатель счел возможным ограничить право обжалования приговора гражданскими истцами и ответчиками, а также их представителями единственно вопросами, касающимися гражданского иска. Тем самым акцентировано внимание на стоящей перед ними в уголовном процессе цели — удовлетворении иска или отказе в исковых требованиях. В то же время специфика уголовного процесса накладывает свой отпечаток и на деятельность этих лиц.

Правильное разрешение гражданского иска требует установления не только характера и размера вреда, причиненного преступлением. Выяснение события преступления и виновности лица в его совершении также является необходимым условием разрешения иска. Имеют отношение к гражданскому иску и обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, смягчающие и отягчающие наказание, влекущие освобождение от уголовной ответственности и наказания, а также подтверждающие возможность конфискации имущества — все они оказывают влияние на исполнение приговора суда в части гражданского иска. Например, осуждение лица к реальному отбытию наказа-

ния обычно препятствует получению им достаточных для погашения долга доходов.

Таким образом, практически все обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу (ст. 73, 299 УПК РФ), имеют отношение к гражданскому иску. Вследствие этого ограничения полномочий гражданских истцов и ответчиков по обжалованию приговоров представляются необоснованными.

Одной из важнейших проблем судебной практики по уголовным делам является обеспечение быстроты судопроизводства. Как отмечают М. Дженис, Р. Кей и Э. Брэдли, «задержки при решении правовых споров — тема наибольшего числа жалоб, направляемых в Европейский суд по правам человека»<sup>2</sup>. Ускорение судопроизводства путем ограничения права на обжалование ряда судебных актов, определяющих порядок исследования доказательств, разрешающих вопросы об удовлетворении или отказе ходатайств участников судопроизводства, а также о мерах обеспечения порядка в зале судебного заседания (ч. 5 ст. 355 УПК РФ), ограничивает права лица, привлекаемого к уголовной ответственности, но обеспечивает его право на рассмотрение дела в разумный срок, и с этой точки зрения является вполне допустимым. На возможность ускорения производства по делу путем сокращения отдельных этапов тех или иных стадий уголовного процесса указывают и зарубежные авторы: «часть уголовного процесса, от которой отказывается законодатель с целью его ускорения, есть либо часть предварительного производства, либо часть судебного производства...»<sup>3</sup>. В то же время и в этом ограничении имеется ряд противоречий. Так, закон ограничивает обжалование судебных актов, определяющих порядок исследования доказательств. Между тем ст. 274 УПК РФ предусматривает в качестве общего правила, что очередность исследования доказательств определяется стороной, представляющей доказательства суду; первой представляет доказательства сторона обвинения. После исследования доказательств, представленных стороной обвинения, исследуются доказательства, представленные стороной защиты. Таким образом, порядок исследования доказательств определяется не судебным актом, а волеизъявлением сторон; поэтому обжаловать в этом случае нечего. Единственным исключением является случай, когда в уголовном деле участвует несколько подсудимых; при этом очередность представления ими доказательств определяется судом. Однако этот единственный случай вряд ли заслуживает специального упоминания в законе при ограничении права обжалования.

Недопустимым представляется ограничение права обжалования судебных актов о мерах обеспечения порядка в зале судебного заседа-



ния. Согласно ст. 258 УПК РФ при нарушении порядка в судебном заседании, неподчинении распоряжениям председательствующего или судебного пристава лицо, присутствующее в зале судебного заседания, предупреждается о недопустимости такого поведения, удаляется из зала судебного заседания либо на него налагается денежное взыскание; подсудимый может быть удален из зала судебного заседания до окончания прений сторон. Рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого нарушает его право на обязательное участие в судебном разбирательстве (ст. 247 УПК РФ). Удаленный из зала суда, он не способен воспользоваться имеющимся у него правом на защиту (ст. 16 УПК РФ), вследствие чего из субъекта уголовного процесса становится бесправным объектом судебной деятельности. Нарушение права подсудимого на участие в судебном заседании носит необратимый характер — даже в случае отмены приговора суда в связи с необоснованным удалением подсудимого из зала судебного заседания и возвращения дела в суд первой инстанции для рассмотрения по существу подсудимый не сможет принять эффективное участие в полноценном допросе свидетелей, потерпевших, экспертов и специалистов, а также других участников уголовного процесса. Это связано с тем, что все эти лица уже получили дополнительные сведения по делу при первоначальном его рассмотрении, что не может не отразиться на их повторных показаниях.

Подсудимый, удаленный из зала суда, не может указать на допущенные в судебном разбирательстве ошибки и нарушения, а также принести мотивированные замечания на протокол судебного заседания. Это заметно сужает его возможности по обжалованию приговора.

Таким образом, удаление подсудимого из зала суда не только существенно ограничивает его право на защиту, но и во многих случаях исключает возможность вынесения справедливого приговора. Поэтому правомерность удаления подсудимого должна быть проверена вышестоящим судом еще до завершения судебного заседания, когда сохраняется возможность эффективного использования им своих прав.

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ получила развитие такая черта, как недопустимость поворота к худшему в суде кассационной и надзорной инстанции (ч. 3, 4 ст. 360; ст. 405 УПК РФ). Ее значение неоднократно подчеркивалось международными судебными органами: «Европейский суд полагает, что ошибки или недостатки работы органов государственной власти должны работать в пользу подсудимого. Другими словами, риск совершения ошибки прокуратурой или даже действительно судом должно нести государство, и эти ошибки не должны исправляться за счет заинтересованного лица»<sup>4</sup>. Поэтому

обращение осужденного в вышестоящий суд должно во всех случаях вести к улучшению его положения, а не к его ухудшению.

Тем не менее недопустимость поворота к худшему при пересмотре приговоров в последнее время подверглась существенным ограничениям. Хотя пересмотр в порядке надзора обвинительного приговора, а также определения и постановления суда в связи с необходимостью применения уголовного закона о более тяжком преступлении ввиду мягкости наказания или по иным основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, а также пересмотр оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела, не допускаются (ст. 405 УПК РФ), Постановлением Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан» эти положения были признаны неконституционными. Установлено, что для исправления существенных фундаментальных нарушений, повлиявших на исход дела, допускается отмена приговора с ухудшением положения осужденного или оправданного.

Следует отметить, что установление возможности поворота к худшему в суде надзорной инстанции сочетается со снятием каких-либо ограничений на производство следственных действий после возвращения уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ в редакции Федерального закона от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»). Так как после отмены первоначального приговора уголовное дело может быть возвращено на этап подготовки к судебному заседанию (ст. 411 УПК РФ), представляется возможной ситуация, когда суд первой инстанции при повторном рассмотрении проведет предварительное слушание и вернет дело прокурору. Прокурор, в свою очередь, имеет возможность вернуть уголовное дело для производства дополнительного расследования, где могут быть проведены следственные действия и по их итогам предъявлено новое, более тяжкое обвинение. Таким образом, итогом отмены приговора судом надзорной инстанции может быть не только ухудшение положения осужденного в пределах предъявленного ему обвинения, но и неограниченное изменение обвинения в худшую сторону.

Тем самым возрожден институт возвращения уголовных дел на дополнительное расследование. Представляется, что внесение этих

изменений в уголовно-процессуальное законодательство имеет крайне негативный характер:

— прежде всего, уничтожено понятие окончательного судебного решения по уголовному делу — осужденный или оправданный не смогут быть уверены в том, что производство по их уголовному делу завершено и более против их интересов не возобновится. Такое положение очень близко к известному инквизиционному институту «оставления в подозрении»;

— возвращение уголовных дел на дополнительное расследование при отмене приговора явно нарушает принцип состязательности: все действия и решения органов уголовного преследования и суда проходят многократную проверку (действия дознавателя и следователя контролируются их руководителями, имеющими процессуальные полномочия, и прокурором; законность и обоснованность обвинительного заключения или акта проверяется прокурором; суд проверяет наличие оснований для назначения судебного заседания; приговор суда проверяется в апелляционном, кассационном и надзорном порядке). Если же, несмотря на все это, существенные обстоятельства дела остаются неизвестными суду или обвинением допускаются фундаментальные ошибки, неблагоприятные последствия недоработки следствия и суда возлагаются на обвиняемого, а органам уголовного преследования и суду предоставляется дополнительная возможность исправить свои ошибки.

Поэтому следовало бы восстановить безусловный характер недопустимости поворота к худшему в суде надзорной инстанции, исключив при этом любую возможность возвращения уголовного дела на дополнительное расследование.

Подводя итог, следует сделать следующие выводы:

— так как изменение приговором суда прав и обязанностей лиц, не являвшихся участниками судебного разбирательства, существенно нарушает их права и законные интересы, необходимо предоставить им право на обжалование такого приговора;

— все обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу (ст. 73, 299 УПК РФ), имеют отношение к гражданскому иску. Вследствие этого ограничение полномочий гражданских истцов и ответчиков по обжалованию приговоров только вопросами, касающимися гражданского иска, представляется необоснованным;

— следует исключить запрет на обжалование судебных актов о мерах обеспечения порядка в зале судебного заседания в случае удаления подсудимого из зала суда. Это решение суда ограничивает действие таких основополагающих принципов уголовного судопроизвод-



ства, как обеспечение права на защиту и состязательность. Поэтому правомерность удаления подсудимого должна быть проверена вышестоящим судом еще до завершения судебного заседания, когда сохраняется возможность эффективного использования им своих прав;

— необходимо вернуть безусловный характер недопустимости поворота к худшему в суде надзорной инстанции.

### Примечания

<sup>1</sup> Европейский суд по правам человека (пятая секция). Дело «Радчиков (Radchikov) против Российской Федерации» (жалоба N 65582/01).

<sup>2</sup> Дженис, М. Европейское право в области прав человека: практика и комментарии / М. Дженис, Р. Кей, Э. Брэдли. — М.; Будапешт, 1997. — С. 485.

<sup>3</sup> Цит. по: Головкин, Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л.В. Головкин. — СПб.: Юридический центр прес, 2002. — С. 41.

<sup>4</sup> Европейский суд по правам человека (пятая секция) Дело «Радчиков (Radchikov) против Российской Федерации» (жалоба N 65582/01).

*О.В. Леонова\**

## НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

С вступлением в действие в 2002 г. уголовно-процессуального кодекса РФ на прокурора возлагается функция уголовного преследования в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия.

За 7 последующих лет в УПК вносились изменения, касающиеся процессуальных функций прокуратуры. В частности, существенно из-

---

\* © Леонова О.В., 2009

*Леонова Ольга Васильевна* — старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета